

16+

Светлана Волкова
Национал-лингвисты
следят за тобой

Светлана Волкова

**Национал-лингвисты
следят за тобой**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Волкова С. В.

Национал-лингвисты следят за тобой / С. В. Волкова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Есть те, кто не готов простить другому ошибки в русском языке. Имя карателям от лингвистики - граммар-наци, они беспощадны к малейшей оговорке или опiske. Особенно, если ты журналист, как герой повести Егор Барабаш, и посмел неправильно поставить запятую в тексте или произнести корявую фразу. Всего лишь миг - и тебя приговаривают к расстрелу. Как выжить, как справиться с национал-лингвистами? Существует только один способ, и Егору предстоит его найти.

Светлана Волкова

НАЦИОНАЛ-ЛИНГВИСТЫ СЛЕДЯТ ЗА ТОБОЙ

Время действия – недалёкое настоящее

От нечаянно брошенной фразы всё и произошло. Завертелось, как турбина, вытащило на поверхность змеиный клубок. До чего же глупое выражение: «Язык не повернулся произнести»! Вот языку-то всё едино, поверьте, хоть высокий штиль, хоть многоярусный мат. Это мозг – предатель, и ты не всегда ему хозяин. Не всегда. Точнее, НЕ ТЫ всегда ему хозяин. Элементарная инверсия во фразе, а как бодрит, да?

* * *

Ночью 12 декабря Егора Барабаша выволокли из тёплой постели в доме на Гагаринской улице, и он не сразу понял, что творится вокруг. Была вспышка, три хлопка непонятной природы, и склонившееся к самым глазам серое угреватое лицо. Это всё, что он запомнил. Да, и слова ещё: «Ну, пойдём, что ли, грехи твои замаливать».

Одеться толком не дали. Во всяком случае, когда он начал приходить в себя, на нём была лишь куртка поверх пижамы. Тапки сразу намочили от каши подтаявшего снега во дворе, пальцы ног немилосердно свело. Промозглый петербургский декабрь дыхнул в лицо колкой сыростью.

Распахнулось окно, и появилось плачущее лицо Жени – девушки, с которой он жил последние полгода.

– Фашисты! Дайте ему одеть ботинки! У него только что был приступ полиартрита! – срываясь на визг, заорала она.

Один из троицы медленно повернулся к окну.

Пуля, пущенная метко в лоб, сломала Женю пополам, и тело её безвольно повисло на карнизе, точно пёстрая тряпка. Длинные густые волосы, светлые днём, слились с тенями голых веток тополей, и промозглый ветер от близкой Невы тут же начал перебирать их, точно хозяйка перья лука на рынке.

– За что её?! – с ужасом выкрикнул Егор, но его толкнули в спину чем-то острым.

Уж не штыком ли?

– За «о д е т ь ботинки», – ответил низкий прокуренный голос. – Они тебе, кстати, не пригодятся.

Барабаш почувствовал пинок в спину и словно в рапиде увидел, как грязная дворовая лужа летит ему в лицо.

Они шли минут десять, и он пытался справиться с жестоким ознобом, впрочем, безрезультатно. Их было трое – тех, кто забрал его. Два парня в длинных кожаных плащах, одного из них звали Нил. Барабаш услышал это имя от третьего конвоира – женщины. Её тело было закутано в нелепый полушубок из взъерошенного енота, мокрый от падающей с неба жижи, ноги – не факт, что некрасивые – зацелофанены в какие-то блестящие чёрные брюки, напоминающие мешки для мусора, на голове – припухшая твидовая кепка. Парни к ней обращались «Мила», и не существовало в мире более нелепого сочетания персоны и имени.

Кто они? Революционная тройка?

– Зачем Женьку, сволочи?! – прохрипел Барабаш.

Высокий – тот, который Нил, – пнул его прикладом.

Барабаш оглянулся и в свете фонаря заметил у всех троих на рукавах красные повязки с чёрной латинской буквой «G» на фоне белого круга.

Они шли дальше по Моховой, мимо кружевной решётки Бенуа, мимо продуктового магазина, где он покупал еду и вино, мимо манящего рекламой кафе и наконец вышли узкими, пахнущими сыростью дворами-колодцами к дому Безобразовых на Фонтанке. На секунду показалось, что всё это сон, лишь только запах страха отрезвлял мозг.

И снова дворы. За лабиринтом узких арочных пролётов показалась площадка под открытым небом. Проектора выхватывали лучами высоченный брандмауэр из добротного – ещё царского – кирпича и мазали чёрно-белыми бликами людей, стоящих у противоположной стены, точно шахматные фигуры. «Прямо графика из старого комикса», – не к месту подумал Барабаш.

Его толкнули в рваное пятно света. Глаза будто залило растопленным маслом, и он уже не различал людей, лишь только контуры. Так видит мир пациент в стерильной операционной, и так же ощущает он биение последних перед забытьём минут.

– Огласи приговор, Восс! – произнёс хорошо поставленный голос.

Один из троицы сделал шаг вперёд и развернул свиток.

– Егор Алексеевич Барабаш, тридцать два года, журналист, колумнист, блогер. Еврей по матери, по отцу – русский с четвертью украинской крови, – Восс выдержал многозначительную паузу. – Высочайшая комиссия просмотрела подборку твоих статей за последний год, изучила записи интервью. Ты дважды употребил слова, значения которых не знаешь. Эти слова: «компиляция» и «огульный». Ты не в состоянии правильно просклонять порядковые числительные. Ты не понимаешь, когда ставить двоеточие в бессоюзном сложном предложении.

– Но... – начал было Барабаш, с трудом понимая сказанное Воссом.

– Тебе пока не давали слово. Когда 9-й канал у тебя брал интервью, ты произнёс «прецеНдент». Да за это без суда надо, не церемонясь!..

– Остынь, Восс! – Нил откашлялся и махнул тому рукой. – 9-й канал уже третий час горит, и что-то мне подсказывает: этот город не справится с огнём – не хватит пожарных рас-

чётов. И замечательно, одним рассадником зла меньше. Но вернёмся к нашему разлюбозному графоману-смертнику...

Нил растянул губы в приторной улыбке и включил громкий звук на чёрном приборчике величиной с ладонь.

– Это уже ток-шоу на радио. Слушай внимательно, жабий потрох.

Голова Егора пошла кругом, «шахматные тени» поодаль завертелись, как в хороводе. Но мозг продолжал работать чётко. Холодный декабрьский ветер, точно кухонный тесак, шинковал мысли. Он сразу распознал звук собственного голоса из динамика, мгновенно сообразил, какие места репортажа свидетельствовали против него. Одно только «пятистами рублями» наверняка стоило гильотины. А «оплата за телефон» и «чтобы НЕ говорили» забили последние гвозди в крышку его гроба.

– Сие лишь эпизод, – с усмешкой певуче продолжил Нил, – Мы не стали утруждать себя поисками ошибок в других твоих выступлениях. Радиостудия уже заплатила за то, что пустила такое в эфир. Интервьюер кормит червей. Скоро к нему присоединишься и ты. Но закончим, наконец, всю эту скукотищу. Что у тебя, Мила?

В белый круг прожектора вступила женская тень.

– В блоге о проблемах мигрантов ты два раза поставил «Е» вместо «Ё». Это было во фразах «совершЁнный акт насилия» и «всЁ повторять историю». Тебе слишком много букв в русском алфавите, русскоязычный человек?

Барабаш не видел Милиного лица, но мог бы поклясться, что на последней фразе оно исказилось, стало безобразным.

– Журналисты, надеющиеся на корректоров, всегда в проигрыше. А твой корректор, кстати, был нашим сотрудником. Теперь уже мёртвым сотрудником...

Внутри у Барабаша будто что-то оборвалось. Женя!!! Его корректором была Женя!

– Да-да. Ты полгода спал с нашим осведомителем, – усмехнулась Мила.

Его словно ударили чугунной булавой по голове. Всё поплыло перед глазами. Барабаш пошатнулся, и ему стоило невероятных усилий удержаться на ногах. В уши снова влился сипловатый голос Восса.

– Ты злоупотребляешь запятыми. У тебя их, как правило, больше, чем положено.

Это было, бесспорно, правдой. Он вспомнил, как последние месяцы писал наспех, редакторы вечно подгоняли, просили поторопиться с текстом. А он всё откладывал на самый последний момент, торопился, выдавал по десять-двенадцать страниц в час, почти не проверяя написанное, лишь перед отправкой разбрасывал по тексту запятые на скорую руку, точно сыпал чёрный перец на лист.

– ...Но существуют авторские знаки... Я являюсь действительным членом Союза журналистов России и...

– Являются привидения, милейший, – снова подал голос Нил.

Барабаш закрыл глаза рукавом. Немилосердный свет разъедал зрачки, подобно кислоте.

– Да, я допустил безграмотность. Но посмотрите с другой стороны, – Барабаш постарался, чтобы «посмотрите» не прозвучало, как «посморите». – Я никогда не позволял себе употреблять матерную лексику. В моих репортажах нету ни одного нецензурного слова!

– Что извергает твой мерзкий рот? «Безграмотность» – это существительное свойства, а свойство, как ты выражаешься, невозможно «допустить». Что же касается обценной лексики, изволь, будь милостив. Наша партия не против мата, если он выстроен с правильными падежами, грамотными суффиксами и с учётом правил глагольных спряжений.

Барабаш с каким-то животным удовольствием выругался, хотя и не был до конца уверен, что потруился вывести ожидаемые Ниловым ухом падежные окончания и проспрягать должным образом все глаголы – уж больно много их оказалось в одной-то фразе.

– «В моих репортажах НЕТУ», – продолжал Нил, копируя его голос, противно растягивая последнее слово. – «НЕТУ» – говорят торговки творогом на рынке. Ты – журналист, жабий потрох, а значит, принадлежишь к пишущей элите. Слово – это дыхание. А дыхание твоё нечисто. Из твоего рта воняет помоями и гнильём! Ты – смердящее отребье, Егор Барабаш, тебе надо было отрезать язык в детстве, чтобы ты не смог коверкать русское слово!

Нил сплюнул на землю и кивнул Воссу и Миле. Те синхронно сняли автоматы с плеча.

Егор почувствовал, как сердце забилося, затрепыхалось за рёбрами грудины, точно синица, пойманная в силки. Вылететь бы ей, да никак, – а уж, подожди, скоро...

– По вышеперечисленному следует приговор, – голос Нила резко вспорхнул к крышам двора-колодца, спугнув ворон. – За систематическое коверканье великого русского языка, за безграмотность печатных текстов, за канцеляриты и тавтологию в репортажах Егор Барабаш приговаривается к расстрелу. Приговор требует немедленного исполнения.

Барабаш вздрогнул, дёрнулся, как затравленный зверь, взглянул на квадратик неба, забранный в кривую, точно вырезанную тупыми портновскими ножницами раму от нависающих крыш, по-рыбьи схватил губами холодный воздух. Сейчас всё будет кончено. Лишь мгновение до выстрела – растянутое каучуковое мгновение. Говорят, перед глазами должна пронестись вся пёстрая жизнь. Говорят...

Он ничего из своей биографии не вспомнил в этот наэлектризованный миг, лишь ощутил – услышал – собственный мозг, чётко, промасленными поршнями, толкающий двигатель в голове. Ещё одно невесомое мгновение – и замрёт это адское тиканье...

...Нил встал рядом с Воссом и Милой, вскинул – о, господи, не автомат, винтовку, самую настоящую винтовку – и прижался ухом к прикладу...

– Целься! – разлетелось эхом по пространству двора.

Барабаш закрыл глаза...

...И вдруг всё сказанное этими тремя из трибунала приобрело совершенно материальный облик, собралось, как детские кубики, в осмысленный текст. Егор ощущал этот текст почти физически, словно тот был прибит в черепе где-то на уровне темени. Он мог бы поклясться, что никогда память его не была так крепка, а сознание так ясно.

– Стойте, – Барабаш сделал шаг вперёд. – Вы не дали мне последнее слово!

– Слово? Чтобы ты ещё раз унижил русский язык? – Нил не отрывал прищуренный глаз от прицела.

– Вы сами, вы все... Говорите безграмотно, коверкаете речь! Если вы судите других, то должны быть, по крайней мере, безупречны! Кристально безупречны!!!

Нил оторвал щёку от приклада, подал знак остальным.

– Что ты сказал?

Барабаш набрал воздух в лёгкие, удивился, как жарко ему вдруг стало, будто не стоял он на декабрьском ветру в пижаме и куцей куртке, а вышел из протопленной избы. С этими ублюдками следовало петь по их же нотам. Зря он, что ли, в студенческие годы вымучил свою четвёрку по русскому на журфаке?

– В каждой, сказанной вами фразе, – уродство. Вы не слышите себя! – крикнул он троице. – Вы способны лишь пенять другим на ошибки, а сами греховны не меньше!

Ему не ответили. Но и не выстрелили. Пока. Барабаш призвал на помощь все, таящиеся в закоулках памяти, филологические знания, заслонил рукавом глаза от света и продолжил:

– «Приговор следует», «приговор «требуется»... Приговор не может ничего требовать и не из чего следовать, вы не чувствуете язык? «Торговки творогом» – уродливая звукопись, преступный фоноряд. Дальше... «9-й канал брал интервью»... Канал ничего не может брать! И «гореть» канал не может!!! Что вы несёте? А «процедура обрезания» – вопиющий канцелярит! И «вышеперечисленное» – канцелярит! Чу! Что это? Скрип? Скрежет? Это Пушкин с Гоголем в гробу переворачиваются, когда слышат вас!

Ему показалось? Или всё же было сказано «пли»?

Последовал выстрел-свист, Егор ощутил, как индевеет его позвоночник, становится хрупким, стеклянным и рассыпается в мелкое крошево. И тело его, потеряв стержень, некрасиво опадает на стылую землю, точно кожа от ливерной колбасы. И глаза заливают чем-то коричневым, с неровными круглыми дырками, как будто сидишь внутри маленького катышка керамзита, и сам ты маленький, пего-рыжий, и смотришь на мир сквозь ноздреватую стенку...

... А боли нет. Только рядом с глазами – сапог, такой огромный, в белёсых разводах уличной соли вперемешку с грязью...

...И голос: «Унесите».

* * *

Он просыпался медленно, как после дешёвого наркоза. Холодная ладонь на его лбу убирала забытьё, нанизывала на пальцы вязкий липкий сон, как мотки свалывшейся пряжи.

– Женья?

– Тихо-тихо, мой друг, не кричите!

Барабаш открыл глаза.

Камера была узкой, длинной, холодной.

– Где я?

Он приподнялся на локте и поглядел по сторонам. Голова сильно кружилась, и человек, сидевший рядом с ним на коленях, очень долго фокусировался, не желая принять единый облик.

– Как вы себя чувствуете, дружище?

Голос был ласковый, тихий, как у покойного деда. Барабаш сильно зажмурил глаза, чтобы прогнать наваждение, но когда открыл их вновь, ничего в окружающей обстановке не изменилось: тот же узкий подвал с крохотным прямоугольником оконца где-то наверху, бетонный пол, устеленный соломой и тряпками, и пожилой человек, участливо наклонившийся к нему. Вид у мужчины был «профессорский» – бородка клинышком, нелепое для ситуации кашне в «турецкий огурец», свисающее с шеи, и виноватые интеллигентные глаза за толстыми стёклами очков.

– Вы потеряли сознание.

– Всего лишь? Меня ведь расстреливали... – Егор с жадностью выпил кружку воды, поднесённую к его губам незнакомцем.

– Расстрела не было.

– Но я слышал выстрел...

– Они намеренно отвели автоматы. Иначе бы мы с вами не разговаривали.

– Кто вы?

– О, простите. Позвольте представиться: Аркадий Маркович Дворкин, профессор кафедры филологии. Ваше имя я уже знаю.

К Барабашу медленно возвращалась память. Его оставили жить! Жить!

– Вам невероятно повезло, мой друг, – продолжал Дворкин. – С вашими ошибками в репортажах... Они должны были на месте, не церемонясь... Сейчас расстреливают и за меньшие провинности. За один только ненужный мягкий знак в глаголах. Без суда и следствия.

– Кто ОНИ? – нарочито громко спросил Барабаш.

– Тише-тише! – профессор бросил взгляд на железную дверь. – Они – это граммар-наци. Ходят по трое, как когда-то карательные революционные трибуналы по Петрограду. Ваша троица мне знакома: Нил – унтерлингв. Восс – фонопурист. И Людмила – ёфикатор.

Барабаш вспомнил, как Мила придиралась к отсутствию у него в статьях буквы «Ё», Восс зверствовал по поводу неправильно произнесённых слов, а Нил... Нил, в сущности, готов был убить его за всё сразу.

– Здесь слышимость невероятная. До меня долетело слово в слово всё, что вы им сказали. Браво, молодой человек! Это смело, а главное, невероятно! Обвинить граммар-наци в допущенных языковых ошибках! Их следователь из отдела собственной безопасности сейчас наверняка «работает» с вашим трио.

Словно в подтверждение слов профессора о слышимости, в камеру влетел женский крик, затем череда выстрелов и – завершающим аккордом – колоратурный стон.

– Это учительницы русского языка и литературы из моего Василеостровского района. Соседки, так вот. Одна исправила ученику «ни при чём» на «не при чём» в диктанте. Другая сказала на родительском собрании: «Увеличение с геометрической прогрессией».

– А как надо? – с ужасом вымолвил Барабаш и сразу осёкся.

– В геометрической прогрессии.

– Да-да! Конечно! Я знаю, просто это ведь оговорка?

– Возможно, – Дворкин помедлил, – но учителям русского языка такое не прощают.

Барабаш встал, покачнувшись, едва удержался на ногах и подошёл к стене, по которой струйками стекали капли влаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.